DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-1-17-25

Конституционное развитие в контексте современных вызовов и глобальных общественных трансформаций

ТАЛИЯ ЯРУЛЛОВНА ХАБРИЕВА, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Татарстан, академик РАН, действительный член Международной академии сравнительного права, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы), профессор, директор Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (117218, Российская Федерация, Москва, Б. Черемушкинская ул., 34). E-mail: office@izak.ru;
заместитель президента
Российская академия наук (119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект, 14). E-mail: info@ras.ru

Аннотация: Конституционно-правовая проблематика стабильно занимает центральное место в современной юридической доктрине. К ней апеллируют ученые (причем не только юристы) при обсуждении общественных, экономических, государственно-правовых трансформаций, правовых ценностей и конституционных идеалов, векторов развития права и его «цивилизации», правопонимания, национальных стратегий развития и др. Конституция оказывается в фокусе внимания при рассмотрении процессов цифровизации, распространения информационно-коммуникативных и других новейших технологий, межгосударственной интеграции, стратегии и тактики противодействия коррупции, многих других явлений. Конституция используется в качестве инструмента научного познания, критерия состоятельности и истинности многих суждений и выводов. Такой подход продемонстрировал продуктивность, так как его применение позволило правоведам не только не упустить из виду конституционно-правовые аспекты новых для правовой сферы явлений и процессов, но и последовательно обосновывать оригинальные выводы о перспективах конституциализации прав человека нового поколения (цифровых, соматических), цифровой (как с точки зрения формы, так и содержания) конституции. На его основе в юридическом дискурсе появились новые сюжеты: конституция и медиа, конституционный идеал соотношения виртуального и реального в праве и др.
Ключевые слова: источники права, конституция, конституционная реформа, конституционная стабильность, конституционное развитие, право, цифровизация

Статья поступила в редакцию 24 февраля 2019 года.

Хабриева Т.Я. Конституционное развитие в контексте современных вызовов и глобальных общественных трансформаций. *Государственная служба.* 2019. № 1. С. 17-25.

CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES AND GLOBAL SOCIAL TRANSFORMATIONS

TALIYA Y. KHABRIEVA, Dr. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the International Academy of Comparative Law, Member of the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission of the Council of Europe), Professor, Director Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (34, ul. B. Cheremushkinskaya, Moscow, Russian Federation, 117218). E-mail: office@izak.ru;
Deputy President
Russian Academy of Sciences (14, Leninskii prospekt, Moscow, Russian Federation, 119991). E-mail: info@ras.ru

Abstract: Constitutional and legal issues consistently occupy a central place in modern legal doctrine. Scientists (and not only lawyers) appeal to it when discussing social, economic, state-legal transformations, legal values and constitutional ideals, vectors for the development of law and its 'civilization', law understanding, national development strategies, etc. The Constitution is in the focus of attention when considering the processes of digitalization, the spread of information and communication and other new technologies, interstate integration, strategies and tactics to counter corruption, and many other phenomena. The Constitution is used as a tool of scientific knowledge, a criterion of validity and truthfulness of many judgments and conclusions. This approach has demonstrated productivity, as its application has allowed lawyers not only not to lose sight of the constitutional and legal aspects of new phenomena and processes for the legal sphere, but also to consistently justify the original conclusions about the prospects of the constitutionalization of human rights of the new generation (digital, somatic), digital (both in terms of form and content) of the Constitution. On its basis, new subjects appeared in legal discourse: the constitution and media, the constitutional ideal of the relationship between the virtual and the real in law, etc.
Keywords: sources of law, Constitution, constitutional reform, constitutional stability, constitutional development, law, digitalization

The article was received on February 24, 2019.

Khabrieva T.Y., Constitutional development in the context of modern challenges and global social transformations. *Gosudarstvennaya sluzhba.* 2019. № 1. P. 17-25. In Russian

Введение

В наши дни человеческое общество стремительно меняется. Характеризуя происходящие метаморфозы, философы констатируют начало нового этапа эволюции человеческой цивилизации, именуемого «эпохой глубокой трансформации», «макросдвигом», ведущим фактором которого являются технологические инновации [Ласло, 2004. С. 16–21]. Согласно теории сложных человекоразмерных систем В.С. Степина, нынешний этап общественного развития может быть определен как «фазовый переход», за которым и в результате которого последует утверждение нового типа общества (общественно-экономической формации) [Степин, 2018. С. 5–27]. Важным показателем фазового перехода, по мнению философов, является трансформация универсальных ценностей и жизненных смыслов (человек, природа, деятельность, традиции и новации, личность, рациональность, власть). С этим сопряжены происходящие в настоящее время глобальные общественные преобразования, среди которых выделяются следующие:

– переход к новому технологическому и экономическому укладу жизни общества, смена материально-технологической парадигмы информационно-алгоритмической;

– изменение социальной структуры, размывание традиционных общественных институтов;

– изменение модели социального регулирования [Хабриева, Габов, Капустин, Черногор, 2018. С. 3–11], становление новых (программный код) [Хабриева, 2018(b). С. 6–15] и конвергенция традиционных социальных регуляторов, осмысление которой привело к выдвижению гипотезы о становлении так называемой легальной этики [Хабриева, Габов, Капустин, Черногор, 2018. С. 4–12];

– доминирование в социальной жизни отношений, связанных с формированием человеческого капитала;

– ослабление социальных связей, «атомизация» индивидов;

– углубление социального неравенства на фоне формального правового равенства и правовых установлений, допускающих социальное неравенство[1].

Конституция и глобальные общественные трансформации

Очертания нового (будущего) общества, его экономической основы, социальной структуры, несмотря на множество футурологических предсказаний, до конца не ясны. С большой долей вероятности можно прогнозировать, что его экономическим базисом будет «цифровая экономика», а само общество приобретет качества «программируемого». К тому же можно ожидать существенных изменений в его структуре, социальном регулировании, системе ценностей и др. [Хабриева, 2018(c). С. 17–22].

Глобальные общественные трансформации порождают многие вызовы (праву, государству, правовому порядку). Перед лицом этих вызовов оказался и конституционализм как доктрина и практика организации государственной и общественной жизни [Baker, 2004. P. 114–123].

При таких обстоятельствах актуальной становится постановка следующих вопросов:

– Сохранит ли конституция свою роль в правовой системе и в каких пределах она будет опосредовать общественные отношения в новой модели организации?

– Как будет «выглядеть» конституция в недалеком будущем, когда новейшие технологии станут не только экономической, но и правовой реальностью?

– Какие стратегии и тактики наиболее пригодны для адаптации конституции, в том числе отечественной, к новым условиям?

Поиск ответов на эти вопросы имеет большое значение как для юридической доктрины, так и для практики конституционного регулирования и его модернизации. Их решение позволит правильно обозначить ориентиры конституционных преобразований при возникновении необходимых предпосылок к этому. Согласно результатам научных наблюдений, право и правовое регулирование в настоящее время уже не получает той необходимой идейной и общественной поддержки, которую имело в предшествующий период. К тому же сами идеи, поддерживающие правовую регуляцию, размываются. Для этого есть свои предпосылки, причем не только технологические:

1. Последовательная дегуманизация права и одновременная его инфантилизация – включение в состав субъектов права природных объектов, растений, животных, неодушевленных предметов (в том числе роботов), цифровых сущностей. Этот процесс не направлен на повышение авторитета идеи права. Наоборот, он разрушает ее как рациональную картину мира, сформированную в эпоху Ренессанса, Реформации и Просвещения.

2. Снижение авторитета международного права вследствие открытой демонстрации его избирательного применения и использования в качестве средства продвижения экономических и геополитических интересов отдельных государств[2].

3. Продолжающаяся конституционализация в национальных правовых системах норм и принципов международного права, а также правовых концептов, разрабатываемых наднациональными органами и организациями (например, Европейской комиссией за демократию через право – Венецианской комиссией Совета Европы [Хабриева, 2018(d).

1 *Зорькин В.Д.* Справедливость – императив цивилизации права // http://www.ksrf.ru

2 Там же.

С. 41–129]), их последовательное импортирование в национальные конституции. Идет нарастание «стандартизации» национальных конституций и конституционного регулирования на основе образцов западно-европейской и американской демократии. Одним из результатов этого процесса является закрепление в национальных конституциях норм и институтов, не имеющих корней в общенациональной, религиозной, правовой и конституционной культурах и, следовательно, необходимой опоры на религиозную, морально-нравственную, правовую и духовную традиции. Соответственно, нарушаются системные связи в социальном регулировании, что вызывает его дисфункции, размежевание образов правомерного поведения («явно» и «по умолчанию»).

4. Дуализм и иерархия конституционного регулирования, имеющие место в некоторых интеграционных образованиях (например, таких как Европейский союз [Миронов, 2016. С. 100–107]). Приоритет союзного договора над национальными конституциями порождает правовые коллизии, создает ситуацию, при которой наднациональные акты блокируют действие норм национальных конституций, принятых на основе волеизъявления народа. Происходит отрицание воли народа в управлении Союзом и правовом регулировании, осуществляемом в его пределах.

5. Распространение в государственном управлении практики использования в первую очередь правовых средств для решения любых социальных, экономических, демографических, политических, а также других проблем. Объяснение неэффективности управленческих решений дефектами конституции и законодательства; укоренение стереотипа о необходимости всякий раз менять или существенно трансформировать конституцию, что девальвирует ценность права и конституции в массовом сознании.

6. Активность новых сторонников правового нигилизма, его популяризация как идейной основы технологической модернизации экономики и создания криптосреды. Так, уже сейчас заявляет о себе новая общность – формирующийся «класс», позиционирующий себя как «наиболее активная часть общества» (обладающая знанием, стремлением и возможностью применять финтех, создавать и использовать криптовалюту, виртуальные вещи и сами технологии[3]). Эта общность выступает за легализацию государством криптовалюты, свободу ее обращения. Один из главных выдвигаемых тезисов – уход от посредников в общественных отношениях в лице банков, государства. Открыто провозглашается, что именно правовой нигилизм является «двигателем прогресса». Пока государство устанавливает юридические запреты и размышляет о выборе более гибких правовых инструментов, «активная часть общества», игнорируя правовые установления и государственные юрисдикции, строит новое цифровое общество и цифровую экономику, формирует собственные модели обеспечения материального благосостояния «членов общины».

Тиражирование средствами массовой информации и другими ресурсами социальной коммуникации сведений о молниеносном обогащении рядовых граждан посредством осуществления операций с криптовалютой создают дополнительные условия для расширения социальной опоры подобного рода идей. Эти и некоторые другие обстоятельства актуализируют поиск новых решений и моделей социальной регуляции, предполагающих повышение роли внеправовых регуляторов, конструирование оригинальных механизмов их взаимодействия с правом, укрепление связи конституционного регулирования с культурой конкретного общества. Одним из направлений этого поиска является обновление национальных конституций, которое активизировалось в последние годы [Хабриева, 2016. С. 147–212] . Поэтому в настоящее время вопрос о будущем конституции не только как основополагающего акта, исходной нормы национальной правовой системы, но и как идеи, особенно актуален.

Можно утверждать, что авторитет идеи конституции, ее роль и значение в обществе по-прежнему велики, несмотря на отмеченные явления и процессы, характеризуемые нами как вызовы конституционализму. Альтернативы конституционной модели правовой и государственной организации общества пока нет. Не просматривается она и в отдаленной перспективе. Технологические инновации, будучи во многом лишенными социогуманитарного содержания, «работают» на укрепление идеи конституционализма [Аршинов, Буданов, 2016. С. 60–69]. Развитие современных технологий (нано-, био-, информационно-коммуникативных и др.), их конвергенция являются тем фактором, который многократно повышает роль и значение права и конституции в жизни каждого человека и общества в целом, выводит их авторитет, цели, задачи на новый уровень.

Право является тем социальным регулятором, который позволяет защитить человека не только от физического насилия и нелегального государственного принуждения, но и от насилия информационного (более точное его определение – «технологическое», поскольку оно объединяет эффекты действия разнообразных технологий). У права появляется новая миссия – сохранение человека как биологического вида и обеспечение мирного сосуществования, гармоничной коммуникации людей и «субъект-объектов» (гибридов), созданных и социализированных в результате применения конвергентных технологий (генно-модифицированных индивидов, роботов-агентов, цифровых сущностей

3 Криптоманифест (2018) // http://cryptomanifest.ru

и др.). Эта задача едва ли по силам другим социальным регуляторам (морали, религии). Роботы, цифровые сущности, искусственный интеллект, как бы они ни были запрограммированы, не способны мыслить в системе человеческих ценностей, генерировать и использовать их в качестве ориентира, меры и масштаба поведения.

Конституционное развитие в современном мире

Есть основания полагать, что конституция как общественный договор и основной закон, устанавливающий правила взаимоотношений человека и государства, защищающий от любых форм и видов неправового принуждения, сохранит свою миссию в обозримом будущем. Проблема состоит в совершенствовании правовых механизмов, определении предмета и границ сферы конституционного регулирования.

Новое поколение конституций демонстрирует экстенсивное развитие, существенное расширение как предмета, так и области конституционного воздействия [Хабриева, 2016. С. 95–147]. Одним из следствий этого является увеличение объема текста конституции. Нельзя сказать, что это устойчивый и доминирующий тренд в мировом конституционном развитии, однако данный факт свидетельствует о постепенном изменении границ конституционного регулирования и практического восприятия концепции конституции как базового учредительного акта, традиционно отличающегося краткостью, лаконичностью формулировок, установлением лишь наиважнейших основ взаимоотношений человека и государства, государственной и правовой организации общества.

При этом конституции пока не реагируют на упомянутые выше общественные трансформации, происходящие под воздействием технологических факторов. Конституционные преобразования детерминированы преимущественно влиянием межгосударственной интеграции и социально-политических конфликтов (порой приводящих к дезинтеграции), поиском оптимальных форм правления, государственного устройства, отвечающих характеру развития внутренних исторических, политических, социальных, экономических и других процессов. На постсоветском пространстве наиболее заметны конституционные изменения, произошедшие в последнее десятилетие: перераспределение властных полномочий и компетенций высших государственных органов, которое в ряде случаев повлекло за собой существенные изменения формы (системы) организации государственной власти[4].

В то же время в научном сообществе обсуждаются идеи, касающиеся будущей адаптации конституций к новым условиям жизни общества, в частности, перспективы конкретизации ряда конституционных прав человека, закрепление на конституционном уровне новых прав – «цифровых», «соматических», создание конституционных механизмов защиты человека от информационного и технологического насилия, перспективы «цифровой» (с точки зрения как формы, так и содержания) конституции. В данном случае правовая наука опережает практику и заблаговременно готовит необходимые решения.

Современный опыт конституционных преобразований требует доктринального осмысления. Важной задачей конституционно-правовой науки является поиск и обоснование критериев, позволяющих безошибочно определять и строго соблюдать границы конституционного регулирования [Хабриева, 2014. С. 12–16]. Несмотря на высокую динамику развития общества, тенденции социальной трансформации, современные вызовы и повышение гибкости правового регулирования в целом, «здоровый» консерватизм при решении этой задачи должен присутствовать. В противном случае возникает риск постепенного размывания границ конституционного регулирования, необоснованного вторжения, а затем и их растворения в сфере текущего законодательства. Это может привести к неустойчивости конкретной конституционной модели общественной и государственной организации, а также правовой системы.

Утверждая, что конституция не утратит своей роли и значения в будущем, трудно отрицать то, что в перспективе изменится ее форма и механизмы реализации, а также правовой охраны. На сегодняшний день у конституции, как и у других формально-юридических источников права, появился «виртуальный дублер», «цифровой двойник» – ее электронная версия, размещенная в различных базах данных и информационно-справочных системах («Гарант», «КонсультантПлюс» и др.), имеющих большую популярность и пользующихся высоким доверием пользователей. «Виртуальный дублер» – это уже нечто большее, чем просто цифровая копия, так как он выполняет функции формально-юридического источника права. Кроме этого, в виртуальном пространстве существует актуальная версия конституции, чего нет в реальном мире.

При всех ее достоинствах это только прототип будущей цифровой модели. Разница между ними в том, что сегодня актуальная версия строится по принципу базы данных (Big Data), однако в будущем цифровую версию правового источника следует создавать по принципу «базы знаний», в которой будет собрана, систематизирована, структурирована более объемная и разноплановая (правовая, экономическая, социологическая и др.) информация,

4 Заключение Венецианской Комиссии по конституционной реформе Казахстана (на проект Закона «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан»), принятое на 110-й пленарной сессии (10–11 марта 2017 года) (CDL-AD(2017)010).

позволяющая без участия человека осуществлять толкование правовых норм, юридическую квалификацию деяний и правоотношений, разрешать юридические коллизии, совершать сделки, выносить правоприменительные решения, определять эффективность правовых норм, формулировать правотворческие решения в целях оптимизации правового регулирования, и которая будет приспособлена для автоматизированного использования.

Например, Конституция Российской Федерации в «базе знаний» предстанет как единство различных блоков актуальной информации, в частности:

– ее текста;

– федеральных конституционных законов;

– Федеральных законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации;

– правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации;

– общепризнанных норм и принципов международного права, ставших частью российской правовой системы;

– комментариев ученых;

– правоинтерпретационных актов международных органов (например, Европейской комиссии за демократию через право) и организаций [Хабриева, 2018(b). С. 5–15].

Такое видение конституции не является новым, но оно так и не получило широкого распространения. Следует отметить, что к подобного рода «новшествам» в конституционной практике следует относиться более внимательно, как и к различным источникам конституционного права, иногда оказывающим не меньшее влияние, чем нормативные предписания Конституции. Помимо применения Big Data, на службу конституции должны быть поставлены и другие цифровые технологии (например, блокчейн), способные обеспечивать необходимую правовую охрану и полноценную реализацию ее норм в условиях погружения государственно-правовой сферы в виртуальную реальность. Для этого может быть эффективно использован цифровой юртех.

В современных условиях актуальным направлением научного поиска становится определение стратегий и тактик, наиболее пригодных для адаптации конституции, в том числе отечественной, к новым условиям. Отправной точкой и основой этого поиска является фундаментальное теоретическое знание о конституционном развитии, видах конституционных преобразований. В преддверии 25-летия Конституции Российской Федерации возобновилась дискуссия о векторе дальнейшего конституционного развития, перспективах уточнения сложившейся модели конституционного процесса и тактики преобразований. Анализ состоявшихся обсуждений показал, что многие их участники не учитывают принципиальных различий между формами конституционного процесса, отождествляют редакционные уточнения текста основного закона с конституционной реформой. Данное наблюдение является дополнительным поводом обратиться к проблеме дифференциации конституционных изменений.

Дифференциация конституционных изменений и стратегия дальнейших преобразований

Строгое разграничение форм конституционного процесса имеет большое значение при «квалификации» произошедших изменений конституции, определении стратегии и тактики дальнейших конституционных преобразований. Это позволяет идентифицировать изменения, свидетельствующие о нормальной динамике конституционного регулирования, когда в достаточной мере сбалансированы его статические и динамические проявления, а также факторы, служащие характеристикой дестабилизации конституционного процесса, нарушения его устойчивости.

Тема конституционных изменений и реформирования, как правило, ассоциируется не только с динамикой конституционно-правового развития, но и с возникновением новых этапов функционирования конституционного процесса в свете внесения поправок в основной закон. В то же время трактовку преобразований, предполагающих такие последствия для конституционного процесса, при которых можно было бы вести речь о его новых проявлениях и, тем более, этапах функционирования, можно считать справедливой применительно к очень ограниченному кругу случаев.

Изменения конституции, как убеждает современная практика, весьма разнообразны, но при этом лишь часть из них представляет собой конституционную реформу [Хабриева, 2016. С. 54–147]. Анализ показал, что значительную долю составляют те преобразования, которые затрагивают отдельные слова и знаки текстов основных законов (условно именуемые стилистические). Другой довольно распространенный вид изменений имеет терминологический характер: они предполагают замену одного термина или терминологического оборота другим, но уже с иным или уточняющим смыслом[5]. Нередко встречается замена, включение или исключение из конституционного текста положений, конституционных

5 Например, изменение, осуществленное Конституционным законом Австрии от 21 декабря 1994 года № 1013, когда в связи с вступлением страны в Европейский союз было изменено название австрийского Основного закона. Вместо Конституционного закона был принят термин «федеральная Конституция», смысл которого иной, чем Конституционный закон, так как последний обычно используется для внесения поправок в конституцию. Это понимание утвердилось в правосознании народов большинства европейских стран, и Австрия, вступая в Европейский союз, предпочла использовать общепринятое название.

формулировок, понятий, относящихся к определенному конституционно-правовому институту, не затрагивающих природу самого института[6]. Изменения конституции могут выражаться во включении в текст нового конституционно-правового института, а также в замене или упразднении ранее существовавшего[7].

Особым видом конституционных преобразований является конституционная реформа, которую отличают масштаб и последствия как для современного и развивающегося правового регулирования, так и для всей системы общественных отношений в орбите конституционного воздействия.

Раскрывая признаки конституционной реформы, следует обратить внимание на следующие моменты:

1) содержание конституционной реформы предполагает создание или видоизменение основных институтов конституционного строя, переустройство государственных органов, развитие конституционного законодательства;

2) закрепляемые и осуществляемые нововведения направлены на обеспечение развития общества (конституционная реформа выступает как проявление присущей общественной жизни общей тенденции к прогрессу);

3) конституционная реформа должна иметь характер поступательного, поэтапного, эволюционного процесса, противостоящего революционному и радикальному слому институтов и норм преобразуемого строя. Такое реформирование не уничтожает положительных ценностей существующей социальной системы, но серьезно меняет и совершенствует ее структуру в целом и отдельные институты [Хабриева, 2018(а). С. 11–17].

На основе обобщения существующих подходов можно отметить, что конституционной реформой часто признаются принятие новой конституции, изменения, принципиально преобразующие организацию публичной власти, многочисленные поправки, корректирующие концептуальную направленность Основного закона. Важная отличительная особенность реформы конституции заключается в том, что она связана с преобразованием фундаментальных основ конституционного регулирования, корректировкой сложившейся модели. Поэтому такое изменение положений Основного закона влечет за собой прерывание конституционной стабильности, которое не всегда следует воспринимать как отрицательное политико-правовое явление, хотя чаще всего оно имеет негативные последствия для устойчивого функционирования права (по крайней мере, в течение некоторого периода времени). Такие изменения можно трактовать как обоснованные, если возникли условия для обновления основ конституционного строя.

Некоторые конституционные изменения, по определенным признакам соотносимые с реформированием, вполне укладываются в логику обеспечения конституционной стабильности. Так, актуализация конституционного регулирования, своевременное правовое обеспечение политических, социальных и экономических потребностей, согласно их позитивной динамике, не только не противоречит, но составляют одну из сторон конституционной стабильности. Нереформаторский характер имеют конституционные изменения, которые развивают базовые положения конституции, уточняют их смысл и содержание. Это относится, например, к инициированной Президентом Российской Федерации в 2008 году поправке в Конституцию Российской Федерации о контрольных полномочиях Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в отношении Правительства Российской Федерации.

Рассматривая проект Конституции Украины в 2008 году, Венецианская комиссия Совета Европы указала, что он обозначен в качестве проекта совершенно новой конституции. Однако документ был оценен как достаточно консервативный, основанный на тексте действующего Основного закона. В этих условиях Комиссия отметила необоснованность выбора метода принятия новой Конституции, поскольку изменения можно было бы внести путем поправок в действующую Конституцию, что имеет преимущество в свете символической непрерывности и способствует обеспечению стабильности конституционного порядка («Конституционная стабильность является важным элементом для достижения стабильности в стране в целом, и никто не должен принимать новую Конституцию как средство «быстрого решения» текущих политических проблем»[8]).

Тем не менее, как объем, так и качество изменений конституционного регулирования следует рассматривать, принимая во внимание высокий риск ущерба устойчивости Основного закона, стабильности и непрерывности конституционного процесса в случае недостаточно обстоятельной оценки таких изменений. Это, в свою очередь, может иметь непоправимые последствия для положительной динамики политико-правового развития, социально-экономической основы правовой системы.

6 Например, на протяжении последних десятилетий во многих странах часто изменялся в сторону понижения избирательный возраст для активного избирательного права.

7 Так, в ходе провозглашенной реформы 2008 года во Франции произошло изменение института конституционного контроля в связи с введением нового института конституционной жалобы лица на нарушение его конституционных прав и свобод.

8 Заключение по проекту Конституции Украины (CDL-AD (2008) 015).

Стабильность конституционной системы в контексте современных вызовов

Устойчивость Основного закона страны, к которому постоянно обращаются не только правоведы, но и политики, граждане, постепенно становится одним из ключевых символов правовой идентичности нации. В государствах со стабильной правовой системой конституция приобретает в массовом сознании почти сакральный статус. Именно поэтому нации идут на кардинальный пересмотр Основного закона лишь тогда, когда новая социальная ситуация требует такого пересмотра. Во всех остальных случаях обходятся локальными поправками либо уточняется применительно к меняющимся условиям трактовка базовых конституционных положений [Зорькин, 2014. С. 6].

В одном из докладов Венецианская комиссия Совета Европы выразила обеспокоенность по поводу слишком частых поправок или попыток внесения изменений в конституцию, так как это может негативно повлиять на конституционную и политическую стабильность. Конституция не может быть преобразована в связи с каждым изменением политической ситуации в стране или после формирования нового парламентского большинства[9].

Из вышеизложенного следует, что конституционные преобразования неодинаковы, как и их последствия, с точки зрения воздействия на содержание сложившихся конституционных моделей и целевых установок, а также на обусловленную ими социально-правовую практику. Конституция – акт особой юридической природы, который имеет двойственное значение: регулирует общественные отношения и готовит почву для восприятия правосознанием личности и общества тех или иных правовых моделей, воплощенных не только в ней самой, но и в законодательстве. Поэтому подходить к вопросу об изменении конституции необходимо с осторожностью, чтобы избежать постоянных конституционных реформ и неустойчивости правопорядка в государстве. Современная правовая история знает немало примеров того, как нестабильность конституции в государстве становится «зеркалом» деструктивных, хаотичных общественно-политических процессов [Хабриева, 2016. 174–212; Хабриева, Чиркин, 2018. С. 182–430].

Несомненно, к принятию любых мер в этом отношении, в том числе в свете возникающих предложений и опросов, требуется подходить взвешенно. Логика рационалистического анализа должна превалировать. В связи с этим особое значение имеют методы научного познания и оценки вопросов конституционного регулирования, а также предложений по их разрешению. При принятии решений о поправках к конституции важно руководствоваться научно обоснованными критериями, учитывающими функционирование институтов конституционного права в условиях проводимых реформ. Практика показала, что известные инициативы опирались на экспертные оценки, авторитетные мнения или результаты социологических опросов. По этой причине сложность представляют задачи определения степени объективности, обоснованности высказанных суждений, верификации данных социологических исследований, а также проблема выбора тех из них, на которые следует ориентироваться при создании стратегии дальнейшего конституционного развития страны.

Отдавая должное опыту экспертов и ценности достижений практической социологии, мы считаем, что в процессе принятия такого рода решения необходимо использовать и другие инструменты, позволяющие обеспечить объективность и достоверность выводов, обоснованность конкретных правотворческих инициатив.

Одним из таких инструментов может стать правовой мониторинг, проведение которого на постоянной основе в отношении конституции способно сыграть существенную роль в обеспечении ее реального действия, стабильности и необходимой динамики, а также правовой охраны, в частности, от преждевременных или непроработанных изменений[10]. Тема мониторинга конституции требует специального внимания при обсуждении вопросов конституционного развития и перспективности реформирования Основного закона.

Размышляя о будущем Конституции Российской Федерации, трудно утверждать, что она останется незыблемой. В то же время важно учитывать, что любая ее реформа прямо или косвенно повлияет на целый спектр общественных отношений, государственных и правовых институтов. Кроме того, это весьма дорогостоящее мероприятие, что также необходимо принимать во внимание. Наконец, конституционная реформа не всегда оправданна, особенно в непростых экономических условиях, при которых устойчивость и предсказуемость правового регулирования приобретают принципиальное значение. Следует также отметить, что 25 лет для такого фундаментального, основополагающего документа, как Конституция Российской Федерации, – небольшой срок по историческим меркам.

9 Совместное заключение по проекту закона «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики», принятое на 103 пленарной сессии Венецианской комиссии (19–20 июня 2015 года) (CDL-AD (2015) 014).

10 Идея мониторинга Конституции была выдвинута и обоснована учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации еще в 2008 году, последовательно разрабатывалась в последующие годы в рамках одного из научных направлений Института – правового мониторинга – и применялась в ходе проведения конкретных фундаментальных и прикладных исследований. См. подробнее: Хабриева Т.Я. Мониторинг Конституции: доктрина, инструментальная ценность и перспективы институализации: www.rs.gov.ru/ru/news/39598

В связи с этим взвешенной и сбалансированной, отвечающей интересам современного государственно-правового развития России, представляется позиция правоведов, которые допускают возможность точечных изменений Конституции и, таким образом, адаптации ее текста к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины «живой конституции»[11].

Способы трансформации правопорядка, с учетом потребностей поступательного (конструктивного) развития конституционных норм и обеспечения устойчивости конституционного процесса, первоочередным образом следует связывать с обращением к средствам конституционного правосудия, правоприменительной практики. В этом выражается феномен конституционной реформы без заметной коррекции юридического текста. В правоведческой литературе подобные преобразования конституции рассматриваются как «изменения, которые оставляют ее текст в прежнем виде и вызываются фактами, не связанными непременно с намерением произвести такое изменение, или с сознанием, что последнее обязательно произойдет» [Еллинек, 1907. С. 5].

Напомним, что принятие в 1993 году Конституции Российской Федерации ознаменовало новый этап конституционного строительства, которое сопровождалось не только фундаментальными правовыми и государственными преобразованиями, но и глубокими мировоззренческими изменениями. Основной закон отразил лучшие достижения конституционной мысли и практики, развивающие общемировые тенденции, закрепил многие базовые ценности, выработанные многовековым опытом человечества. Это позволило сформировать собственную модель конституционного регулирования, доказавшую свою эффективность в условиях глобализации и масштабных кризисов, выйти на передовые позиции мирового конституционного развития. Новый Основной закон на десятилетия определил вектор построения российской государственности, заложил основу современного российского конституционализма, обеспечил новое качество эволюции правовой системы страны.

Конституция, заключая в себе основные цивилизационно-правовые ценности, по своей природе все же подвержена изменениям. Однако принципиально важно, чтобы эти изменения происходили эволюционно. В решении данной задачи видится миссия конституционно-правовой доктрины, позволяющей на системной научной основе обеспечивать последовательное и устойчивое осуществление конституционно-правовой практики.

Глобальные общественные трансформации определяют движение в направлении научного поиска актуальных ответов на фундаментальные вопросы, в частности, о роли и значении конституции в человеческом обществе, предмете и пределах конституционного регулирования, содержании и форме Основного закона в условиях новой социально-экономической формации, переход к которой уже наметился, закономерностях и моделях конституционного развития.

Современные социальные преобразования оказывают ощутимое влияние не только на право, правовую сферу жизни общества и национальные правопорядки (это общая закономерность развития права, проявляющаяся на протяжении всей истории его существования). Новым, но не имеющим долгосрочной перспективы, трендом можно считать их давление на саму идею права и его авторитет. Как было отмечено, постепенное изменение технологического уклада жизни общества обусловливает укрепление противоположной тенденции: повышает роль, значение и авторитет права, сохраняет и расширяет его функции.

Основной закон также сохранит свою роль. Этот вывод подтверждается тем, что содержание конституций различных стран мира в меньшей степени реагирует на технологические новации и общественные процессы, протекающие под влиянием их стремительного распространения. Более восприимчива к ним форма конституции, которая уже демонстрирует тенденцию к «оцифровке» и интеграции в цифровую среду. Однако это не означает, что конституция как государственно-правовое явление не претерпит изменений. Когда и как это будет происходить, в каких масштабах – вопрос открытый. Вероятнее всего, «технологический апдейт» современных конституций начнется с конкретизации и / или расширения системы прав человека и наделения такими правами субъектов, появление которых станет результатом технологического прогресса (например, генно-модифицированных или искусственно созданных индивидов).

Заключение

Пойдут ли государства по пути конституционной реформы или будут использовать более «мягкие» стратегии – покажет время. Наше исследование позволяет сделать вывод о целесообразности взвешенного и осторожного подхода к конституционным преобразованиям, предпочтении устойчивого конституционного процесса и нереформаторских изменений Основного закона. В свете вероятных сценариев дальнейших общественных трансформаций и результатов научных исследований важными задачами юридической доктрины являются актуализация правовых механизмов осуществления функций конституции, уточнение критериев определения предмета и сферы конституционного регулирования. Соответствующие доктринальные разработки несомненно будут способствовать обеспечению устойчивости конституционного развития.

11 Буква и дух Конституции. Валерий Зорькин – о тревожных призывах к кардинальным конституционным реформам. *Российская газета.* 2018. 9 октября.

Литература

Аршинов В.И., Буданов В.Г. Парадигма сложностности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий. *Вопросы философии*. 2016. № 1. С. 59–70.

Еллинек Г. Конституции, их изменения и преобразования / Пер. с нем. Б.А. Кистяковского. СПб., 1907.

Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. 2-е изд. испр. и доп. М. Норма. 2016.

Зорькин В.Д. Цивилизация права: современный контекст. *Журнал конституционного правосудия*. 2014. № 4(41). С. 1–15.

Ласло Э. Макросдвиг: К устойчивости мира курсом перемен. С предисл. Артура Ч. Кларка / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: «Тайдекс Ко», 2004.

Миронов В.В. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации. *Вестник Российской академии наук*. 2016. Т. 86. № 2. С. 99–107.

Степин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018.

Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М.: «Наука» РАН, 2016.

Хабриева Т.Я. Конституционное развитие: статика и динамика (к 25-летию Основного закона России). *Конституционное и муниципальное право*. 2018. № 12. С. 10–17.

Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности. *Журнал российского права.* 2018. № 9. С. 5–16.

Хабриева Т.Я. Правосудие в социогуманитарном дискурсе глобальных общественных трансформаций. *Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России*. 2018. № 2(11). С. 17–23.

Хабриева Т.Я. Венецианская комиссия как субъект интерпретации права: монография. М.: «Статут», 2018.

Хабриева Т.Я. Современный мир и Конституция. *Андриченко Л.В., Боголюбов С.А., Васильева В.И. и др.* Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного закона России): Монография / Под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; «Юриспруденция», 2014. С. 11–16.

Хабриева Т.Я., Габов А.В., Капустин А.Я., Черногор Н.Н. Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 3. С. 3–12.

Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. *Хабриева Т.Я.* Избранные труды: в 10 т. Т. 2. М., 2018. С. 181–440.

Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М.: «Юрид. лит.», 1981.

Baker T.E. Constitutional theory in a nutshell. *William & Mary Bill of Rights Journal.* 2004. Vol. 13. Issue 1. P. 57–123.

References

Arshinov, V. I., Budanov, V. G., Paradigm of complexity and socio-humanitarian projections of convergent technologies. *Voprosy filosofii*. 2016. № 1. P. 59–70. In Russian

Baker, T. E., Constitutional theory in a nutshell. *William & Mary Bill of Rights Journal*. 2004. Vol. 13. Issue 1. P. 57–123. In English

Jellinek, G., Constitutions, their changes and transformations / Transl. from German by B. A. Kistyakovsky. St. Petersburg, 1907. In Russian

Hesse, K., Basics of constitutional law of Germany. M.: 'Yurid. lit.', 1981. In Russian

Khabrieva, T. Y., Constitutional Development: Statics and Dynamics (to the 25th anniversary of the Basic Law of Russia). *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. 2018. № 12. P. 10–17. In Russian

Khabrieva, T. Y., Constitutional reform in the modern world: a monograph. M.: 'Nauka' Russian Academy of Sciences, 2016. In Russian

Khabrieva, T. Y., Justice in the socio-humanitarian discourse of global social transformations. *Ekonomicheskoe pravosudie na Dalnem Vostoke Rossii*. 2018. № 2(11). P. 17–23. In Russian

Khabrieva, T. Y., Law before the challenges of digital reality. *Zhurnal Rossiiskogo prava*. 2018. № 9. P. 5–16. In Russian

Khabrieva, T. Y., The modern world and the Constitution. *Andrichenko, L. V., Bogolyubov, S. A., Vasilieva, V. I., and others.*, The Constitution of the Russian Federation: from the image of the future to reality (on the 20th anniversary of the Basic Law of Russia): Monograph. Ed. by Khabrieva T. Y.. M.: Institut zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya pri Pravitelstve Rossiiskoi Federatsii, 'Yurisprudentsiya', 2014. P. 11–16. In Russian

Khabrieva, T. Y., Venice Commission as a subject of law interpretation: Monograph. M.: 'Statut', 2018. In Russian

Khabrieva, T. Y., Chirkin, V. E., Theory of the modern constitution. Khabrieva T. Y. Selected works: Vol. 2.,Vol. 10.; M., 2018. P. 181–440. In Russian

Khabrieva, T. Y., Gabov, A. V., Kapustin, A. Y., Chernogor, N. N., Conflict of interest: nature, prevention, social regulation. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya*. 2018. № 3. P. 3–12. In Russian

Laslo, E., Macroshift: To the stability of the world by the course of change. Transl. from English by Y. A. Danilov. M.: 'Taideks Ko', 2004. In Russian

Mironov, V. V., Transformation of economics, politics and law in the context of globalization. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2016. Vol. 86. № 2. P. 99–107. In Russian

Stepin, V. S., Modern civilizational crises and the problem of new development strategies. M.: Institut zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya pri Pravitelstve Rossiiskoi Federatsii, 2018. In Russian

Zorkin, V. D., Civilization of law: the modern context. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 2014. № 4(41). P. 1–15. In Russian

Zorkin, V. D., Civilization of law and development of Russia. 2nd ed. M.: 'Norma', 2016. In Russian